

АРХИВ

Роман

Прекрасным дамам О. да Н.

***Всему свое время, и время
всякой вещи под небом.***

Экклесиаст

I

Георгий Николаевич прибыл в Тифлис уже ближе к вечеру. Когда он вышел из вагона, первым ощущением у него было, что он летит вниз головой с точеного европейского утеса, выпестованного природой в одной ей ведомой гармонии, в безмерную огнедышащую азиатскую пропасть, наполненную гортанными голосами, пряными ароматами и блеском зубов и оружия. Общая атмосфера завораживала, волновала и спирала грудь. Во всяком случае, в голове пронеслись Лермонтов, Грибоедов, царица Тамара, Багратион... А справа и слева были ослики, женщины в черном, гниющие фрукты вдоль дорог.

Суворов не успел толком осмотреться, прийти в себя от соприкосновения с совершенно иной культурой, другими людьми и манерой общения, как был тут же вовлечен в тесный круг товарищей и приятелей брата. Лавр, несмотря на то, что был старше Георгия на тринадцать лет, был куда общительнее его и непритязательнее в выборе знакомств. Природой своей он принадлежал к закоренелым холостякам, к которым женщины липнут, как мухи к меду.

Когда они с вокзала тряслись в экипаже в гору, Лавр Николаевич ни на минуту не прекращал своих уверений, что здесь Георгию понравится непременно и всесторонне. Он так и восклицал: *непременно и всесторонне*. Похоже, он уже с утра (а может, и со вчерашнего вечера) всесторонне нагрузился напитками юга, и, конечно же, непременно изысканными.

Вечерело, ласточки в розоватом воздухе размашисто чертили строки о любви и смерти. И строки эти были одинаково понятны и русскому, и грузину.

Просторные комнаты двухэтажного особняка с раскрытыми настежь окнами и дверьми на все четыре стороны света, были наполнены музыкой, смехом, тонкими винами. Женщины блистали в дореволюционных нарядах, мужчины были галантны, будто и не прошли горнило войн и революций. О том, что они были, войны и революции, свидетельствовало разве что непропорционально малое число кавалеров, да еще следы тяжких и не очень ранений, как правило, на их лицах или руках.

Георгий не успел сказать брату и нескольких слов о долгом пути к нему, как тот стал с порога представлять его собравшимся. У него вдруг безотчетно сжалось сердце, когда Лавр подвел его к совсем юной особе с роскошным цветом лица и южными выразительными глазами.

— Софья, — прозвучал небесный голос.

У нее была великолепная осанка и гордо посаженная голова. Царевна, подумал Георгий.

Девушка улыбнулась, протягивая руку Георгию. Тот едва удержался, чтобы не приложиться к ней с большим воодушевлением, чем позволяли приличия.

— Георгий Николаевич, — сорвался он на фальцет и попросил у брата воды.

Софья предложила Лавру поухаживать за его братом. Лавр Николаевич охотно согласился и подошел к компании за ломберным столиком, и оттуда тотчас же раздался оглушительный смех. Лавр Николаевич мог рассмешить даже мертвого.

— Лавр Николаевич так хорошо вписался в нашу компанию, — сказала Софья, — будто родился в Тифлисе.

— Да, — заметил Георгий, — он душа любого общества.

— Вы сейчас из столицы? — спросила девушка.

— Вы имеете в виду Москву?

— Нет, я имею в виду столицу.

— Да, из нее. Из столицы.

— Как Нева? Мосты? На похоронах Блока были?

— Был, — Георгий с удивлением посмотрел на Софью.

— Говорят, он сам на себя был не похож.

— Если вы имеете в виду его музу, то да.

— Удивительный поэт, не так ли?

— Вы правы, удивительный.

— А как вам вид из окна?

— Можно, я по порядку? — спросил Георгий. — Про Неву и мосты.

— Конечно же, рассказывайте! Выйдем на веранду. Страшно хочется все услышать из первых уст! Я ненасытная до сплетен и новостей. У нас тут хоть и царское место, да все равно провинция. Сдерживайте меня, я год не видела никого оттуда. Там, верно, одни перемены? Рассказывайте-рассказывайте, больше не буду, — засмеялась Софья.

— Про Неву и мосты можно рассказывать долго. Нева одна лишь и утешает меня и тех, кто еще остался на ее берегах, что ничто не меняется в жизни, по большому счету. Эти несколько прошедших лет сродни наводнению, которое подкосило здоровье Петра Великого.

— Это, Георгий Николаевич, очень примечательно, что вы сказали о Петре. Что они делают? Что делают! Мы все в шоке. Простите, продолжайте-продолжайте.

— На Неве почти не осталось кораблей, в парках людей. Про дворцы и особняки вообще лучше ничего не говорить...

— Разграбили?

— Хуже. Устроили в них казармы, приюты. Представляете, мыло воруют! Инфляция — дикая. В одночасье все стали Дюпонами и Рокфеллерами. А бездомных, как опавших листьев.

— Их принес ветер Блока... Поговаривают, скоро начнутся изменения в экономике.

— Какой, однако, вечер, — Георгий потянул носом. — Какой аромат. А воздух...

— Вот вы где! — послышался голос Лавра. — Бежите общества, как Мцыри?

— Да, Лавр, мы так мило беседуем с твоим братом.

Геorgia поразило, что Софья с Лавром на ты, и так запросто. Ему показалось, что Софья не из таких.

— Смотри, я ревнивый! — засмеялся Лавр Николаевич. — Не посмотрию, что брат.

Засмеялась и Софья. Георгий не знал, как отреагировать на эту шутку.

— Мой брат прежде думает, потом говорит, — похлопал его по плечу Лавр. — Иногда так долго, что забывает изречь. Но — одобряю! Так и должен поступать настоящий мужчина. Не буду мешать вам, — он поцеловал Софье руку и удалился с куплетами Мефистофеля.

— Вы давно знакомы с Лавром? С Лавром Николаевичем, — поправился Георгий.

— С первого его дня в нашем городе. С ним трудно не познакомиться.

— Да, — согласился Георгий, — трудно. Помню, я был подростком... еще перед войной... но тогда уже повсюду ходили слухи о войне, нашей стремительной победе и славе (наконец-то!) русского оружия. У нас каждый день собирались друзья, знакомые Лавра, много пили шампанского во славу российского Марса, Святого Георгия Победоносца. Если бы победы русского воинства зависели от выпитого в нашем доме вина!

— У вас большой дом?

— Был. Да, большой. Трехэтажный, лестница, львы по бокам, жандарм в стороне.

— Простите, Георгий... Ничего, что я так?

Суворову это показалось странным — все-таки едва знакомы. Ну, да тут юг, все кипит.

— Ради бога, Софья, — разрешил он.

— Георгий, хотите, я покажу город, вон ту его часть, — Софья указала на дома и деревья, уходящие вниз.

— Буду весьма признателен, — охотно согласился Георгий. — Только брата предупрежу, а то станет искать.

— Лавр, — бросила, походя, Софья, — мы на горку, покажу вид.

Лавр молча проводил их взглядом. А когда они спустились на первый этаж, со второго этажа послышался оглушительный смех.

— Когда он в ударе, весь дом сотрясается от смеха. А он постоянно в ударе, — сказала Софья, как показалось Георгию, с некоторым осуждением.

— Он любит всех завести, никого не оставит без внимания, — сказал Георгий.

Софья внимательно посмотрела на него.

— А вы чуткий собеседник, — сказала она. — Редкое по нашим дням качество.

— Не успел спросить Лавра, как он оказался в этом доме? Он купил его?

— Это мой дом. Разве он не сказал?

— Нет, — простодушно ответил Георгий. — Я думал, его.

— Вы полагаете, Лавр Николаевич способен подыскивать себе жилье сам? У него совершенно другой стиль. Он скорее подыщет себе страну, чем дом, и королеву, чем... жену.

— Вас это как-то угнетает?

— Да вы злочка!

Георгию доставила удовольствие ее реплика.

Стало темнеть.

— Неудачно мы вышли, — сказала Софья. — Через полчаса совсем стемнеет. У нас темнеет быстро. Раз, как гильотина.

— Не успеем посмотреть? — Георгий подумал, что у Софьи воображение, как у Мериме.

— Нет, — вздохнула девушка и остановилась, глядя на Георгия и ожидая с его стороны каких-либо предложений.

— А просто погуляем, без осмотра, — предложил Суворов.
 Девушка взяла его под руку, и они пошли дальше.
 — У нас тут опасно, — шепотом сказала она. — Ночью особенно.
 — Посмотрим, — засмеялся Георгий. — Кинжал, жаль, в кофре остался.
 — Это даже лучше, — засмеялась Софья, — что он остался в кофре. Кинжал у нас просто так не извлекают. Извлек — убей! А нет кинжала, никто и не пристанет.
 — Как же узнают в темноте, есть он или нет?
 — Узнают, — загадочно произнесла Софья.

И только прозвучали эти слова, к ним из темноты выступили три темные фигуры. Софья ровным голосом о чем-то сказала им по-грузински, фигуры исчезли.

— Узнали? — спросил Георгий. — А если б я один шел? По-грузински я и двух слов не знаю.
 Девушка оставила его вопрос без ответа. Они молча шли под деревьями. Через минуту она обронила:
 — Этого было бы достаточно. Остальные слова они знают.
 Суворов рассмеялся.
 — Что? — спросила Софья. — Я сказала что-нибудь не то?
 — То, то, — улыбнулся Суворов. — И куда мы идем?
 — А мы уже пришли, — сказала девушка. — Вот беседка, там сейчас никого нет. Здесь так хорошо слушать ночь. Ее слушаешь снаружи, а она начинает шептать изнутри тебя. Вот, садитесь здесь. Помолчим.

Они опустились на скамейку. Георгий локтем соприкасался с локтем девушки, и оттого никак не мог прислушаться к голосу ночи, пробуждающемуся в нем. Может, это и есть голос ночи, подумал он, слыша, как кровь стучит в висках и колотится сердце.

Минут через десять, когда Георгий перестал слышать все звуки и углубился в свои воспоминания, а может быть, фантазии, когда воображение унесло его в запретные дали, куда-то на полвека вперед, и он там вот так же сидел с Софьей и прислушивался к... — Софья неожиданно встала и решительно подняла его за руку.

— Я молилась, — призналась она.
 — Молились? — удивился Георгий. — За кого?
 — За вас, за Лавра, за всех. В такую ночь, когда нет ни звезд, ни луны, ни огней, хорошо молиться за свет в наших окнах и наших душах.

— Вы сюда приходите молиться?
 После некоторого молчания Софья сказала:
 — Да, хожу. Вы первый спросили меня об этом.
 — А вы здесь уже бывали с кем-то?
 И опять через долгую минуту молчания:
 — Их уже нет с нами. Они там, куда возносятся мои молитвы.
 — Простите, Софья. Если хотите, помолчим.
 — Нет-нет, — бодро произнесла девушка. — Ни в коем случае! Вот еще! Помолчим. Теперь-то мы и поговорим с вами. Давайте, что вы мне еще не рассказали о столице? Как там университет?

Суворов стал рассказывать последние новости об университете, о театральных постановках, о балете и опере. Незаметно подошли к дому Софьи.

— Жаль, — сказала она. — Такой чудный вечер был.
 — Почему же жаль, — поинтересовался Георгий, — если был?
 — Потому и жаль. Поднимемся наверх. А то Лавр Николаевич, поди, уже кинжал точит.
 Лавр играл в карты и помахал вошедшим рукой.
 — Как погуляли? — крикнул он.
 — Хорошо, — дружно ответили Софья и Георгий.
 — Вижу, — засмеялся Лавр Николаевич. — Как там звезды? И звезды яркие, как очи, как взор грузинки молодой!..

— Не правда ли, он хоть отважен и даже безрассуден, мало походит на полководца Суворова? — спросил Георгий.

— На Суворова? — Софья нахмурила бровки. — Вон оно что. А при чем тут Суворов?
 — Фамилия у генералиссимуса тоже Суворов была.
 — Он разве Суворов? Всем он представился как Бахметьев.

II

Вся комната Надежды Алексеевны была заставлена коробками и ящиками, черными и коричневыми чемоданами с металлическими уголками и без. Мебель орехового дерева соседствовала с допотопными сундуками. Тут же стояли друг на друге большие кожаные саквояжи, вдоль стен напольные и настенные часы, машинка «Зингер», венские стулья, заурядная этажерка. Все это располагалось двумя штабелями вдоль стен почти под потолок полногабаритной квартиры. Сверху их накрывали огромное покрывало (пять на пять метров) из плотной, как рубероид, неприятной на ощупь материи и ставший плотным за сто лет когда-то мягкий темно-вишневый чехол от рояля.